

Суицид и радикальное самоопределение субъекта у Дэвида Юма

Если какое-либо мнение приводит нас к нелепостям, оно безусловно ложно, но мнение еще не безусловно ложно, если имеет вредные последствия.

Дэвид Юм. Трактат о человеческой природе

Для Бога все возможно, Бог для человека значит, что все возможно. Для фаталиста же все необходимо. Его Бог – необходимость. Это значит, что у него нет Бога.

Серен Кьеркегор. Болезнь к смерти

Стремление человека к определенности (идентичности) может выражаться не только как осознанная соотнесенность индивида с определенной социальной группой или культурной традицией, но и как полагание собственных *онтологических* границ, обозначение экзистенциальных пределов «я». Выходя на эти границы, человек может оказаться под воздействием сил саморазрушения, которым он открывается именно в акте полагания себя в определенном бытийном статусе. Такая *танатическая* тенденция обуславливает в данном случае и ту систему моральных стандартов, с помощью которой организуются человеческие поступки, в особенности те из них, которые связаны с радикальным само-определением – полаганием *предела* собственной жизни. Пример подобной связи между онтологической негацией индивида и моральным оправданием суицида обнаруживается в философии Юма.

В понимании Дэвида Юма человеческое существование есть индивидуальный опыт, который представляет собой последовательность отдельных перцепций¹. «В мире нет ничего постоянно-го, – говорит Юм, – каждая вещь, какой бы устойчивой она ни казалась, находится в беспрестанном течении и изменении»². Мир в

¹ Такая модель сущего почти тождественна буддийской теории жизни как динамической совокупности («потока») атомарных психических актов («дхарм»).

² Юм Д. О бессмертии души // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 191.

целом также есть течение перцепций, сознаваемых нами *как* нечто «существующее»; из такого-то осознания и проистекает «наиболее совершенная идея *бытия* и уверенность в нем»³.

Человеческому уму, таким образом, «никогда не дано ничего, кроме восприятий»⁴, единичных перцепций. Да и сам «субъект» перцепций (ум) – тоже лишь «коллекция»⁵ восприятий без воспринимающего⁶. Дух не есть субстанция, а душа (психика) «есть не что иное, как система или ряд различных перцепций»⁷. Отрицание субстанциальности духа означает *для Юма* признание совершенной ирреальности этого духа; при этом индивидуальная психика в ее экзистенциальной перспективе, разумеется, фатально схвачена смертью: с гибелью тела происходит необратимое (и логически необходимое) разрушение того, что называется душой, ибо все восприятия, ее составляющие, угасают и более не продолжают и не возобновляются⁸. Смерть, разлагая тело, естественным образом превращает личность в «полное небытие»⁹.

Юм приводит множество аргументов в пользу гибели души по смерти тела, посвящая этому вопросу специальное исследование. Исходя из убеждения, что «все обще у духа и тела»¹⁰, Юм указывает на тесную связь изменений в одном с соответствующими переменами в другом; при этом «дух» и «душа» для Юма – почти одно и то же, ибо человек в его понимании двумерен: он лишен *реального* присутствия духа как способности трансцендирования наличного (психофизического) способа бытия. Чем более меняется телесная сторона человека, тем сильнее отражается это изменение на состоянии психики; если же телесность «всецело распадется», то и душа «последует» за ней в небытие¹¹. О таком положении дел свидетельствует «естественный разум»,

³ Юм Д. О бессмертии души. С. 161.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Нарский И. С. Дэвид Юм и его философия // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 41.

⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 397.

⁷ Юм Д. Сокращённое изложение «Трактата о человеческой природе» // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 805.

⁸ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 398.

⁹ Там же. С. 366.

¹⁰ Юм Д. О бессмертии души // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 804.

¹¹ Там же. С. 803.

обнаруживая в нашей «нечувствительности» до телесного воплощения прообраз нашей же *посмертной* «нечувствительности»¹²; отсутствие же чувств (перцепций) есть отсутствие «души». Если нечто непреходяще, то оно должно быть и невозникающим; если бы индивидуальная душа была совершенно неразрушимой, то она должна была бы существовать и до нашего рождения. Однако опыт такого рода нам не дан, следовательно, до рождения мы не существовали¹³. А если у нас отсутствует и до-жизненный, и по-жизненный опыт, значит, индивидуальная душа начинает существовать с момента своего телесного воплощения и погибает со смертью тела.

Замечу, что отсутствие у нас внежизненного опыта значит только отсутствие у нас внежизненного опыта и ничего больше. Я сейчас не имею опыта посмертного существования, но я *равно* не имею и опыта посмертного не-существования. Знание, основанное только на частном (конечном) опыте, не может быть удовлетворительно применено к решению *метафизических* вопросов; оно их не решает, а устраняет под видом решения. Для человека, живущего только наличным опытом, бессмертия нет так же, как для лягушки нет зимы.

Поскольку же для Юма опыт «есть единственный источник наших суждений», то никакая метафизика, по его мнению, не может убедительно раскрыть проблему реальности или иллюзорности вечной жизни. «Абстрактное рассуждение, – пишет Юм, – не может решить никакого вопроса о факте или существовании»¹⁴. В крайнем случае, «здравая метафизика» способна допустить наличие некоей духовной «субстанции», рассеянной по вселенной подобно другой субстанции – материальной – и подчиненной, подобно последней, тем же законам природы. Дух, поименованный «субстанцией», сразу же теряет свое *принципиальное* отличие от всякого наличного целого, например, от материи, и начинает восприниматься как всего лишь *иная материя*; вполне определенно это продемонстрировали стоики. Как тело по смерти разрушается, растворяясь в неразрушимой материальной субстанции, так и индивидуальная смертная душа гибнет в неуничтожимой духовной

¹² Юм Д. О бессмертии души. С. 805.

¹³ Там же. С. 799.

¹⁴ Там же. С. 798.

субстанции, из которой затем возникнут новые смертные души¹⁵. Мир, который нам дан, нестабилен; он «подает признаки немощи и распада»¹⁶. Душа, будучи целиком *от мира сего* и, к тому же, являя собою наименее устойчивую форму этого мира, более всего сущего подвержена «величайшим нестроениям» и обречена на безусловное конечное разрушение. Да и куда же, в самом деле, могли бы вместиться бесконечно разрешающиеся души, если вселенная постоянна?¹⁷

Таковы «*физические* аргументы» Юма против бессмертия души, а именно они суть «единственные философские аргументы, которые должны быть допущены в этом вопросе или даже во всяком вопросе факта»¹⁸. Попытка опровержения этих аргументов должна, по мнению Юма, опираться на «какую-нибудь мнимую философию», на «какой-нибудь новый вид логики» или на «какие-нибудь новые силы духа»¹⁹, каковых шотландский мыслитель в своем распоряжении не имеет.

Мир человека, по Юму, есть «вселенная, создаваемая воображением»²⁰; «я», «душа», «Бог» суть только понятия, организирующие наши онтологические представления. «Все наши идеи о Божестве, – утверждает Юм, – есть не что иное, как сочетание идей, которые мы приобретаем благодаря размышлениям над действиями нашего собственного ума»²¹. Бог, следовательно, есть только порождение самопознающего разума. И потому Он не просто идея, производная, как всякая идея, от «восприятий»²²; Он – плод деятельности разума, разум же есть «не что иное, как сравнение идей и открытие отношений между ними»²³. Бог Юма, таким образом, рожден из его головы.

Рациональное понятие о Боге не может быть причиной добродетели, не может обосновать или инициировать действие, подлежащее моральной квалификации, так как «разум сам по себе ни-

¹⁵ Юм Д. О бессмертии души. С. 799.

¹⁶ Там же. С. 804.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 803.

¹⁹ Там же. С. 806.

²⁰ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 163.

²¹ Юм Д. Сокращённое изложение «Трактата о человеческой природе». С. 804.

²² Ср.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 397.

²³ Там же. С. 615.

когда не может быть мотивом какого-либо акта воли»²⁴; он «никогда не может вызвать какого-либо поступка или же дать начало хотению»²⁵; более того, «он никоим образом не может препятствовать аффектам в осуществлении их руководства волей»²⁶. Так Юм ставит под сомнение всякий разумный критерий отличия добра от зла²⁷; при отсутствии абсолютного (Божественного) критерия такого отличия остается только одно основание морального выбора – собственное чувство. «Моральные различия, – считает Юм вслед за Спинозой, – всецело зависят от некоторых своеобразных ощущений страдания и удовольствия»²⁸; поэтому «главной пружиной, или движущим принципом, человеческого духа является удовольствие или страдание»²⁹. Потому и грех (морально не-должное) может быть отнесен, как в свое время заметил Ницше, лишь к разряду «неприятных общих чувств»³⁰.

Аффект, руководящий волей, никак не может находиться в противоречии с разумом, ибо идея не может быть причиной волевого акта³¹; поэтому теоретически определенное должное не имеет отношения к области действия в наличном.³² «Я ни в коей мере не вступаю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец»³³. Моральные оценки, согласно Юму, – результат не суждений разума, но эмоций³⁴. «Откуда узнали мы, что есть такая вещь, как моральное различие, как не из

²⁴ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 554.

²⁵ Там же. С. 556.

²⁶ Там же. С. 554.

²⁷ Вильчинский В.Я. Дэвид Юм и этика неопозитивизма // Историко-философский сборник. М., 1971. С. 101. На отсутствии такого критерия настаивает и Спиноза: свободный человек, руководствующийся «одним только разумом», «не имеет никакого понятия о зле, а следовательно, также и о добре» (Спиноза Б. Этика. М., 1911. С. 322).

²⁸ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 737.

²⁹ Там же. С. 736.

³⁰ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 582.

³¹ См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 554–558.

³² Ср. с мнением М.Бахтина: «Ни одно теоретическое определение и положение не может заключать в себе момент долженствования, и он невыводим из него» (Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 85).

³³ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 557.

³⁴ Нарский И.С. Указ. соч. С. 51.

наших собственных чувств?» – вопрошает Юм³⁵. Разум отстранен от руководства поведением. Такое безразличие к этическому аспекту практики³⁶ есть тот главный мотив «праксиологии» Юма³⁷, который исчерпывает собой всякую этику в точном смысле слова, переводит речь об организации действия в плоскость апелляций к стихийности и становится одним из источников морального нигилизма пост-юмовской европейской культуры.

Внешним и явным признаком лежащей в сердцевине мировоззрения Юма упомянутой разрушительности надо признать вышедшую из-под его пера пропаганду самоубийства. «Здравая философия»³⁸ здесь вполне господствует, а всякое «суеверие» отброшено напрочь. Цель, провозглашенная самим автором апологии суицида, состоит в попытке «вернуть людям их прирожденную свободу», возвратить им ту власть над собственной жизнью, которой они лишились³⁹. Самоопределенность, идентичность индивида полагается здесь во главу угла, становится тем неотчуждаемым свойством, которое Юм возвращает человеку. Идентичность и, следовательно, «самозаконность» индивида может считаться совершенной, если этот индивид способен покончить с собой; максимально убедительное доказательство человеческой автономии достигается оправданием радикального самоопределения индивида, то есть его самоубийства. Право человека на вольную смерть утверждается Юмом в трех аспектах, которые можно обозначить как метафизический, социологический и психологический.

Во-первых, самоубийство, как считает Юм, метафизически законно, поскольку оно не является нарушением нашего долга по отношению к Богу⁴⁰. Этот тезис доказывается Юмом с опорой на главное его метафизическое убеждение, состоящее в признании Божественного предопределения (которое он называет *провидением*) и в отрицании промысла Божия. Создатель, согласно Юму, управляет миром не непосредственно, а через посредство установленных Им «общих и неизменных законов»; этими законами всякое живое существо побуждается и направляется на том «жизненном

³⁵ Юм Д. О бессмертии души. С. 802. Ср.: Ницше Ф. Указ. соч. С. 582–583.

³⁶ Вильчинский В.Я. Указ. соч. С. 106.

³⁷ Нарский И.С. Указ. соч. С. 51.

³⁸ Юм Д. О самоубийстве // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 806.

³⁹ Там же. С. 808.

⁴⁰ Там же.

пути», к которому оно предназначено⁴¹. Вручив законам управление Вселенной, Творец остается совершенно трансцендентным миру и тем самым – бессильным изменить что-либо из Им Самим установленного. Провидение Божие, считает Юм, не проявляется непосредственно в каком-либо действии⁴²: в этом мире невозможно чудо, а Создатель сущих не есть их Спаситель. «Если общие законы нарушаются когда-либо частными волениями Божества, то это происходит таким путем, который всецело ускользает от человеческого наблюдения»⁴³. Реально же, с точки зрения Юма, только то, что от наблюдения не ускользнуло и составило *факт* человеческого опыта; поэтому всякий свершившийся факт *законен*, а чуду, как явлению *непосредственной* воли Божией, нет места. Так и должен думать Юм, «исходя в рассуждении из обычного хода природы и не предполагая нового вмешательства Высшей Причины», ибо «это никогда не может быть допущено в философии»⁴⁴. Таким образом подтверждается *деистическая* установка Юма в метафизике.

Человек, действующий в мире, поступает так или иначе в силу тех способностей, которыми он наделен от Бога (то есть *изначально*). В связи с вопросом о способностях человека находится решение проблемы его свободы. На что способен *сам* человек? Все события человеческой жизни, пишет Юм, могут быть поняты как «в известном смысле» деяния Бога; но в смысле самом прямом и непосредственном они «проистекают» из тех самых сил, которыми Творец наделил Свои создания. Человеческие способности – не менее дела Божии, чем законы, например, движения или тяготения⁴⁵. Поэтому всякий человеческий поступок есть «только следствие тех сил и принципов, которые Он внедрил в Свои создания»⁴⁶. Такая точка зрения на человеческую активность позволяет считать любое действие законным; но с отрицанием вменяемости упраздняется личная ответственность, а с упразднением личной ответственности ликвидируется и свобода. «Каждое действие, каждое движение человека видоизменяет порядок некоторых частей материи»; но то, что может восприниматься как нарушение законного

⁴¹ Юм Д. О самоубийстве. С. 808.

⁴² Там же. С. 809.

⁴³ Там же. С. 810.

⁴⁴ Юм Д. О бессмертии души. С. 799.

⁴⁵ Юм Д. О самоубийстве. С. 809.

⁴⁶ Там же. С. 813.

положения дел, по зрелом размышлении должно быть признано не чем иным, как законной реализацией способностей; а потому никакая произвольность деятельности не может разрушить общих законов провидения, ибо не выводит самого деятеля из-под власти *необходимости* действовать именно так⁴⁷.

Следовательно, действие человека определяется не должным, а возможным, посильным – как изначально расположенным в наличном бытии человека, *присущим* ему (под «возможным» здесь, как обычно, понимается то, что «дано», «отпущено», «предоставлено» конкретному человеку как таковому; такое «возможное», иначе говоря, есть только способ *ограничения*); человеческое право на то или иное действие есть право *силы*. Не преступно все то, что *в моих силах*⁴⁸, ибо то, что оказывается в моих силах, уже *тем самым* санкционировано Богом; любой мой акт есть всего лишь реализация изначально данной мне Богом потенции. Если не преступно сохранить свою жизнь, то не преступно и прервать ее⁴⁹. Если моя покорность Провидению не исключает сноровки и радения, но, напротив, требует их, то она же не противоречит и возможности «избегнуть грозящих мне зол»⁵⁰. Самоубийство будет лишь использованием той силы, которою я наделен от Бога, утилизацией «дара», предоставленного мне свыше⁵¹. «Нет такого существа, – пишет Юм, – которое обладало бы силой или способностью, полученною не от Создателя; да и такого нет, которое могло бы каким-либо поступком <...> извратить план Его Провидения»⁵². Если же сила, потребная для совершения определенного поступка, всегда «проистекает от Верховного Создателя», то, в конечном итоге, «действия существа суть дела Божии»⁵³. И потому самоубийца получает смерть «из руки Божества»⁵⁴. Пусть самоубийство – результат длинной и не всегда осознаваемой цепи причин, «из которых многие зависели от добровольных поступков людей». Но все же Провидение «руководило этими причинами», ибо «ни-

⁴⁷ Юм Д. О самоубийстве. С. 811.

⁴⁸ Там же. С. 812.

⁴⁹ Там же. С. 811.

⁵⁰ Там же. С. 812.

⁵¹ Там же. С. 807.

⁵² Там же. С. 813.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 812.

что не происходит во вселенной без Его согласия и содействия». Посему и «моя смерть, хотя произвольная, произойдет не без Его согласия»⁵⁵, установленного изначально.

Бог, следовательно, и желает моей смерти, и содействует ей. Так как каждое действие предполагает причину, «а эта – другую», то мы обязаны предположить Самого Бога в качестве изначальной Причины всего⁵⁶. Поскольку же Бог есть причина всего, а всякое самоубийство небеспричинно, постольку *Бог есть причина самоубийства*. Ничто в мире не совершается произвольно, т. е. вне механизма предустановленных Богом причин и следствий⁵⁷. А если «все происходящее установлено Им», то, следовательно, «ничто не может быть предметом Его кары или мести»⁵⁸. Один только Бог повинен в «добровольной» смерти каждого человека; самоубийца невиновен, ибо он несвободен.

Таковы рассуждения в границах классического деизма. Оказавшись в мире, организованном Богом, но живущем без Бога, деист ощущает себя в экзистенциальном одиночестве. «Где я и что я? Каким причинам я обязан своим существованием и к какому состоянию я возвращусь? Чьей милости должен я добиваться и чьего гнева страшиться? Какие существа окружают меня и на кого я оказываю хоть какое-нибудь влияние или кто хоть как-нибудь влияет на меня? Все эти вопросы приводят меня в полное замешательство, и мне чудится, что я нахожусь в самом отчаянном положении, окружен глубоким мраком и совершенно лишен употребления всех своих членов и способностей»⁵⁹. Но это осознание собственного ничтожества и служит оправданием морального произвола и вседозволенности. Все, что я могу сделать, я могу сделать по воле Божией, неизменно воплощенной в необходимости законов природы. А все, что от Бога, есть наилучшее⁶⁰. Следовательно, все, что я могу, я могу законно, по Божию предустановлению. Но и хочу-то я только того, что в моих силах; если не так, то в мире царствует не закон, а абсурд, что невероятно. «Заметьте, с какою точною сораз-

⁵⁵ Юм Д. О самоубийстве. С. 814.

⁵⁶ Юм Д. О бессмертии души. С. 801.

⁵⁷ *Нарский И.С.* Указ. соч. С. 37, 53. Ср.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 540.

⁵⁸ Юм Д. О бессмертии души. С. 801.

⁵⁹ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 384–385.

⁶⁰ Юм Д. О бессмертии души. С. 799.

мерностью согласованы повсюду в природе задача, которую надлежит выполнить, и выполняющие силы»⁶¹. Итак, все, что я делаю, мне позволено; оно-то и есть всегда наилучшее; хотящееся есть возможное (как расположенное в пределах досягаемости), а возможное и есть должное. Человек, желающий навсегда положить предел своему «злополучию», вырваться из «муки и скорби», освободиться от «ненавистной жизни»⁶², желает наилучшего и имеет силы для осуществления этого желания; однако у человека *нет сил для бессмертия*.

Своеобразная религиозность Юма – как *замкнутость* его мировоззрения – обусловила непонимание им должного как такового, то есть как отличного и от необходимого, и от возможного. Ведь если свобода уничтожена всеобщим неизменным законом природы, перед которым бессилён даже Бог, его создавший, то для должного, не имеющего ничего общего с необходимым, не находится места. Возможное же возможно и без моего личного участия, помимо моей индивидуальной воли, само собой (как положенное изначально). Должное в *истинном* смысле может относиться только к отсутствующему в наличном; но стремиться к отсутствующему означает желать того, чего Бог изначально не положил в сущем, а это означает *стремление к невозможному*. Желать невозможного нелепо, абсурдно; однако только такое желание есть выражение свободы, против которой и выступает Юм. Способность к возможному самоубийству может быть побеждена лишь личной волей к невозможной жизни в со-действии с Божественной способностью ко всему. Однако деистическая платформа запрещает мыслить такой *синергичный* вариант спасения от наличного. В свете деизма не только самоубийство, но и вообще любой человеческий поступок не может считаться нарушением долга по отношению к Богу. Более того, самое должное нельзя помыслить помимо возможного, а возможное – помимо необходимого; иначе должное надо представлять лишь игрой ума, не имеющей отношения к реальности. Следовательно, самоубийство, как человеческое деяние, «свободно от всякой вины или нареkania»⁶³, ибо рукой самоубийцы всегда движет предустановленная Богом *судьба*.

⁶¹ Юм Д. О бессмертии души. С. 800.

⁶² Юм Д. О самоубийстве. С. 807.

⁶³ Там же. С. 808.

Во-вторых, самоубийство, по мнению Юма, не является нарушением долга по отношению к обществу. Уходящий из жизни всего лишь перестает делать добро, приносить пользу; но обязанность делать добро с необходимостью должна иметь какие-то границы. «Я не обязан делать незначительное добро обществу за счет большого зла для себя самого»⁶⁴; ведь насколько человек обязан обществу, настолько и общество – человеку. Если же я не могу нести своих общественных обязанностей, но, напротив, становлюсь только потребителем общественных благ, то я имею полное право прекратить «эти несчастья»; ведь покойник не требует денежного содержания. Будучи больным, немощным, неспособным к социальному служению, я становлюсь только бесполезной обузой, я занимаю не свое место под солнцем; моя продолжающаяся жизнь может даже прямо мешать «каким-нибудь лицам быть более полезными обществу», отвлекая на себя их силы. В таком случае «мой отказ от жизни должен быть не только безвинным, но и похвальным»⁶⁵. Самоубийство по политическим мотивам также не должно осуждаться, ибо оно, по мнению Юма, обычно имеет целью содействие «общим интересам», во имя которых самоубийца и отказывается от своей «жалкой жизни»⁶⁶. Если же человек справедливо приговорен судом к смертной казни, то он, кончая с собой, лишь выполняет волю общества⁶⁷. Сократ совершил как раз такое похвальное самоубийство.

В-третьих, самоубийство не является нарушением нашего долга по отношению к самим себе. «Что самоубийство часто может совмещаться с нашим интересом и нашим долгом по отношению к нам самим – это не может быть вопросом ни для кого, кто признает, что возраст, болезни или невзгоды могут превратить жизнь в бремя и сделать ее даже хуже, чем уничтожение»⁶⁸. Не всегда причиной самоубийства бывает «внешнее» неудобство. Известно, что человеческие поступки «находятся в постоянной связи, в постоянном соединении с положением и темпераментом действующего лица»⁶⁹. Даже если человек здоров и дела его идут нормально, он

⁶⁴ Юм Д. О самоубийстве. С. 815.

⁶⁵ Там же. С. 816.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 543.

может быть «заклеймен такою безнадежною извращенностью или мрачностью нрава», которые отравляют ему «все удовольствия» и делают его несчастным⁷⁰. Самоубийство как следствие тяжелого характера и мрачного взгляда на жизнь также не должно считаться противным долгу в отношении себя самого, ибо и в этом случае самоубийца удовлетворяет именно *собственную* прихоть.

Итак, самоубийство не является преступлением ни по отношению к Богу, ибо оно всегда необходимо и законно, ни по отношению к обществу, ибо оно полезно, ни по отношению к самому себе, ибо оно прекращает страдания. По этим трем пунктам Юм полемизирует с Фомой Аквинским, утверждавшим, что самоубийство есть грех относительно самого себя, относительно общества и относительно Бога⁷¹. Если же суицид не преступен, то наши благоразумие и мужество должны помочь нам «избавиться от существования, когда оно становится бременем»⁷². Именно таким способом, считает Юм, мы можем стать полезными ближним, так как «подаем пример» действия, способного освободить каждого «от всякой опасности или злополучия»⁷³. Юм с помощью своего рассуждения, однако, освобождает всякого своего «подражателя»⁷⁴ не столько от опасности и злополучия, сколько от ответственности.⁷⁵ Человек у Юма из морального существа превращен в пассивный элемент космического механизма, у которого свобода отнята во имя закона и которому неизбежность вручена взамен надежды. «Отсутствие»

⁷⁰ Юм Д. О самоубийстве. С. 816.

⁷¹ См.: Бердяев Н.А. О самоубийстве: Психологический этюд. М., 1992. С. 15.

⁷² Юм Д. О самоубийстве. С. 817.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Видимо, находились и «подражатели». Сообщают, что Юм одолжил свой «опыт» о самоубийстве одному из своих приятелей, который возвратил сочинение, уверяя, что оно понравилось ему более, чем всё прочитанное им до сих пор. В доказательство того, что сочинение Юма превосходно, этот приятель застрелился на другой день после возвращения рукописи (Ольхин П. О самоубийстве в медицинском отношении. СПб., 1859. С. 30). Юм не мог считать себя виновным в смерти товарища: ведь он оказался *прав*, ибо его сочинение принесло заранее определённый плод. «Знания, как правило, не служат оправданием ценностей; например, знание последствий действия ещё не задаёт предпочтения для действующего субъекта в его выборе самих планов действия, его целей и средств» (Любимова Т.Б. Понятие ценности в буржуазной социологии // Соц. исслед. Вып. 5: Теория и методы. М., 1970. С. 69).

Бога вызывает деформацию нравственных понятий, и высшее право человека – право иметь обязанности – подменяется *необходимостью* быть свободным от долга.

Итак, деистическая платформа Юма, совершенно «удаляя» Бога из мира, ставит во главе этого мира учрежденный Богом закон; такая точка зрения с необходимостью делает всякое зло этого мира законным, а Бога – виновником зла. Действующий в таком мире человек оправдывается через отнятие у него свободы. Ту «естественную свободу», о которой говорит Юм⁷⁶, «здравый смысл» требует назвать *необходимостью*⁷⁷. Господство же этой необходимости делает беспочвенной всякую надежду, утверждая окончательную безнадежность. «Сладчайшим заблуждением смертных» назвал надежду Чезаре Беккариа⁷⁸, один из поклонников философии Юма, благоговевший перед «бессмертными творениями» своего «учителя»⁷⁹ и приложивший немало сил для утверждения права человека на самоубийство⁸⁰. По существу так же относится к надежде и Вольтер: «Живи, пока у тебя есть обоснованная надежда; коль скоро ты ее утратил – умри»⁸¹. Но, как было сказано ранее, надежда не может быть обоснована или гарантирована, если она – именно *надежда*; она всегда есть упование на достижение недостижимого и на возможность невозможного. Отрицание такого понимания надежды есть отрицание надежды вообще.

Деистическая установка Юма заставляет нас полагать, что Бог однозначно трансцендентен миру, что Бог вне мира и мир вне Бога, что Бог зол (ибо является *источником* всякого зла этого мира). Принцип и основание наличного мира – в человеке, но вне Бога, ибо Бог, предоставив человеку его способности, дал ему и власть над бытием, Сам от нее отказавшись. В этом и состоит *вечный и неизменный закон природы*, ибо Бог никогда не сможет вернуть Себе утраченную власть, не сможет сделать раз бывшее не бывшим. Бог, осуществив только предопределение, лишился способности к промыслу, которая полностью перешла в руки *по необходимости* *своевольного* индивида.

⁷⁶ Юм Д. О самоубийстве. С. 817.

⁷⁷ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 551.

⁷⁸ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 355.

⁷⁹ Там же. С. 43–44.

⁸⁰ См.: там же. С. 354–363.

⁸¹ Вольтер. Письма Меммия к Цицерону // Вольтер. Филос. соч. М., 1989. С. 473.

Юм рассуждает в границах мировоззренческой парадигмы Просвещения, абсолютизирующей автономность человека, точнее, его разума и воли. Гуманизм как антропоцентризм, вера в человека, оптимизм в отношении его способностей до конца распорядиться собственной жизнью, отрицание смысла в «абсурде» трансцендентных ценностей и целей, – таковы элементы этой парадигмы. Но, добившись автономии и оказавшись тем самым в состоянии метафизического одиночества, самозаконная личность выясняет для себя только одно: все ее величие состоит в том, что она *ничего не значит*. Эмансипация индивида достигается им ценой собственной гибели. Оптимист Юм говорит: «Я всегда был склонен видеть скорее приятную, чем неприятную сторону вещей»⁸²; но для оправдания этого оптимизма в отношении способностей человека Юм вынужден «предельно приземлить человеческую природу»⁸³ и заявить о ничтожности человеческого существа: «Жизнь человека не более важна для вселенной, чем жизнь улитки»⁸⁴. Мельчайшее насекомое в силах разрушить мощное существо, жизнь которого столь якобы существенна. «Разве нелепо предположить, что человеческое благоусмотрение может с правом *располагать* тем, что зависит от столь незначительных причин?»⁸⁵. Как видим, уверенность в человеческих силах напрямую связана с убеждением в его ничтожестве. Человек, обнаруживший себя в позиции метафизического одиночества, с необходимостью оказывается таким всемогущим ничтожеством, *то есть* самоубийцей.

Итак, деистическая платформа в ее динамически-атомистическом (юмовском) варианте утверждает неизбежность подчинения человека природе как наличному закону, который по отношению к индивиду являет себя как *закон неизбежного распада* (редукции к элементарному), что и провоцирует склонение к вольной смерти. Такая монистическая мировоззренческая платформа (как и всякий вообще онтологический монизм) замыкает человека в наличном и не допускает для него никакой перспективы достижения иного. В наличном же человек всегда конечен, а потому и *предрасположен к суициду*. Антропологический скепсис

⁸² Юм Д. Автобиография // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 70.

⁸³ Нарский И.С. Указ. соч. С. 41.

⁸⁴ Юм Д. О самоубийстве. С. 811.

⁸⁵ Там же.

Дэвида Юма, помноженный на его деистическое мирозерцание, с необходимостью превращает радикальное онтологическое самоопределение субъекта в его аннигиляцию.

Библиография

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 80–160.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Юридическое изд-во, 1939. 464 с.
3. Бердяев Н.А. О самоубийстве: Психологический этюд. М.: Изд-во МГУ, 1992. 24 с.
4. Вильчинский В.Я. Дэвид Юм и этика неопозитивизма // Историко-философский сборник. М., 1971. С. 100–121.
5. Вольтер Ф.М. Письма Меммия к Цицерону // Вольтер. Философские сочинения. М., 1989. С. 472–500.
6. Любимова Т.Б. Понятие ценности в буржуазной социологии // Социальные исследования. Вып. 5: Теория и методы. М., 1970. С. 61–76.
7. Нарский И.С. Дэвид Юм и его философия // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 5–64.
8. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 556–630.
9. Ольхин П. О самоубийстве в медицинском отношении. СПб., 1859. 451 с.
10. Спиноза Б. Этика. М., 1911. 384 с.
11. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989.
12. Хайдеггер М. Онто-тео-логическое строение метафизики // Хайдеггер М. Тожество и различие. М., 1997. С. 29–59.
13. Юм Д. Автобиография // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 65–75.
14. Юм Д. О бессмертии души // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 798–806.
15. Юм Д. О самоубийстве // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 806–817.
16. Юм Д. Сокращенное изложение «Трактата о человеческой природе» // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 789–810.
17. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 77–788.